

Ирина Богушевская поет для неба и гнет крепких мужиков

ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ девочке родители не покупали собаку. Тогда девочка взяла и написала песню: "Я мечтаю о собаке, о хорошем верном друге. Я мечтаю взять на руки и назвать щенка своим. Я всегда б за ним ходила и всегда б его кормила..." И дальше так же проникновенно. Родители, конечно, сломались и купили щенка. Сейчас автор и исполнитель собственных песен **Ирина БОГУШЕВСКАЯ** считает, что это было единственное ее произведение, имевшее коммерческий успех. Она не стремится собирать стадионы: ее "русский шансон" лучше звучит в камерных залах, где зрителей, может, не так и много, но где Ира, ее голос, ее песня - всегда любимы.

- Ира, та грустная песня о собаке - первое, что ты написала?

- Нет, все началось намного раньше. Читать, говорить и бормотать стишки я начала почти одновременно. Я была жуткой графоманкой. Года в четыре завела себе толстую общую тетрадь в колленкоровой обложке и красивым почерком заносила туда свои стишки. Некоторые буквы при этом писались наоборот, но главное - я очень тщательно расставляла все кавычки, точки, а после каждого слова ставила запятую - мне страшно нравился этот процесс. На родительских вечеринках я поражала гостей. Залезала на табуретку и читала: "Когда поэтом я была, шампанским увлекалась. Его бокалами пила и даже не шаталась..." Взрослые были в восторге, и я продолжала: "Когда поэтом я была, тогда жила красиво. Теперь стихов я не пишу - и пью лишь только пиво..."

Так что наклонности и взгляды на роль поэзии в жизни проявились уже тогда. И мама поняла, что меня пора правильно воспитывать. Она отвела меня в творческую студию при МГУ. Там собралась команда психологов, которые на нас ставили всякие эксперименты, пробуя новые методы обучения, и потом писали свои диссертации. Поэтому, когда я поступила в университет на философский, у меня было страшнейшее дежа вю. Мы первокурсниками вошли в главное здание МГУ, и вдруг я сказала: "Ребята, я все здесь знаю - где буфет, где туалет..." Просто в детстве бегала по всем этим коридорам. И вся эта университетская энергетика была уже своя.

- Говорили, что ты могла бы стать блестящей пианисткой.

- Я играла довольно прилично. И

вдруг попала в автомобильную аварию. Теперь не играю ни на чем. Пусть за инструментом сидят другие. А я стою у микрофона и смотрю людям в глаза - это очень здорово.

- Первые, кому ты со сцены посмотрела в глаза, были, наверное, друзья-студенты, которые пришли в театр МГУ?

- В театр меня позвали в

1984 году. Выяснилось, что ставят мюзикл. Боги мои, мюзикл! В восемьдесят четвертом, в СССР! Поверить было трудно. До смерти хотелось быть там внутри, в этом мюзикле. Я пришла в театр, а там меня вместо толпы пестро наряженных актеров встретили два мужика. Один, постарше, представился как главный режиссер театра Евгений Славутин. Другого, помоложе и позднее, звали Алексеем. Фамилия его была Кортнев. Оба показались мне жутко умными и серьезными. Говорят, браки заключаются на небесах, а потом материализуются здесь. Так и произошло у меня с театром МГУ. Существуют театры профессиональные, существуют и певицы поприятнее. Но я получила театр МГУ, а он меня.

- А почему ты не говоришь о браке с Алексеем Кортневым? Потому что союз распался?

- Где-то у меня со студенческих лет валяется прикольная характеристика, которую я сама себе написала: "Политически грамотна. Орально устойчива. Неоднократно незамужем..." Что касается Кортнева, мы проработали много лет, прежде чем соединили себя семейными узами. И вот это духовное братство - оно важнее всего и никуда не денется. Оно всегда было основано больше на творчестве и одинаковом понимании искусства и музыки. Союзы, которые строятся на более приземленных вещах, разрушают-

ся, не оставляя после себя никакого следа. Мы друг для друга много значим и по сей день. Я всегда прислушиваюсь к тому, что он говорит, и наоборот.

- И тусовка у вас до сих пор общая?

- Да, вся она была на пятнадцатилетии "Несчастливого случая". Костяк ее опять-таки связан с театром МГУ. Это люди, которые отличаются не только музыкальными талантами, но имеют еще и серьезный интеллектуальный бэк-граунд. Все мы - как парашютисты, кото-

рые летят вместе, взявшись за руки. Мы уже так давно летим вместе в этом пространстве... Причем конфигурации могут быть самые разные. Над моим альбомом "Книга песен" и спектаклем "Зал ожидания" как саунд-продюсер работал Дима Чувелев из "Несчастливого случая". Это духовное братство.

- Кажется, этот альбом и спектакль - близнецы-братья? Кто тебе более ценен?

- Да пластинка - фактически музыкальная дорожка спектакля. Мы убрали только драматические паузы, которые на сцене интересны, а на компакт не нужны. В остальном мы перенесли на пластинку то, как музыка звучала на сцене. Музыку, как драматически выстроенное действо.

- Это опять музыка для узкого круга умных мальчиков и девочек?

- Не сказала бы, что на концертах студентов большинство. Приходят люди с детьми. Приходят бабушки и дедушки. Если совсем честно, я не очень-то ориентируюсь на какую-либо аудиторию. Всех, наверное, спрашивают: "Для кого ты пишешь или поешь?" Могу показать странной, но у меня такое ощущение, что пою для неба. Голова - лишь чувствительный приемник, настроенный на некую особую волну. Это небо посылает песни. Небо посылает тех, с кем мы потом эту музыку записываем. Небо посылает людей, которые ходят на концерты.

- Можно догадаться, как ты относишься к попсе...

- Я не имею никаких предубеждений к артистам, которые работают в другом жанре. Особенно если они мастера. У них есть своя публика, и это здорово. Но я бы не смогла заниматься коммерческой музыкой. Мне представляется, что она делается на поточной линии по законам капиталистического производства: деньги - товар - деньги... Мы имеем дерзость делать музыку по другим законам. Не планируем уровень продаж. Не покупаем места в чартах. В последнее время развелось много дутых величин, и сегодня многие из них лопнут, как ГКО. Трудно будет штамповать так называемые музыкальные проекты. Может быть, появится шанс прийти настоящим актерам и музыкантам?

- Кажется, они сейчас, наоборот, собрались уезжать, и подальше...

- Есть люди, которые говорят: "Ира, поехали в Париж. Найдем площадки, здесь сейчас не время петь". Все хорошо, но вот думаю и пишу я по-русски...

Например, "Рио-Рита" написана от лица моей бабушки и ее поколения. Я ругалась с бабушкой: на "воронках" забирали друзей, а вы танцевали "Рио-Риту" и были счастливы! Потом, став постарше, я поняла, что они на самом деле были счастливы. В любых социальных условиях люди не перестают любить, не перестают слушать музыку. Поэтому у меня нет сейчас таких апокалиптических ощущений, хотя мы в августе потеряли ту страну, в которой жили последние несколько лет. Вообще меня все больше увлекает идея легкости бытия. В моей биографии были полгода, проведенные в больнице, - так вот оттуда я вышла гораздо более жизнерадостным человеком, чем была до этого. Я видела людей в институте Склифосовского, которые из-за своей беды стали ненавидеть всех и вся, - это ужасно. Я стараюсь не ныть и не жаловаться. Следующий мой альбом будет уже не такой драматичный, как первый, да и название у него - "Легкие люди". Хотя легко с людьми далеко не всегда. Один мой знакомый делает маленьких глиняных бегемотиков. Наводнил ими, наверное, пол-Москвы. Он мне все время говорит: "Ира, не злись, не нервничай". А я ему: "Ты как начинаешь работать по утрам - глину мнешь? Она мягкая. А я на репетиции - пять крепких мужиков".

Валерий БУЛДАКОВ,
Ива СЕЛЕЗНЕВА